

34. Чжу шу цзи нянь цзицзе 竹書紀年集解 (Собрание комментариев к «Бамбуковым анналам»). Гуан-и шуцзюй 廣益書局, 1936. 172 с.
35. Creel H. G. Studies in early Chinese culture. Wakefield, 1948. XXII, 266 p.
36. Кузнецова-Фетисова М. Е. «Великий город Шан» (XIV–XI вв. до н. э.) и его значение в древней истории Китая. М., 2015. 190 с.
37. Кузнецова-Фетисова М. Е. Название древней столицы династии Шан (XVI–XI вв. до н. э.): термины Шан и Инь // Общество и государство в Китае. Т. 43, ч. 1. Уч. зап. Отд. Китая ИВ РАН / редкол. А. И. Кобзев и др. М., 2013. Вып. 8. С. 177–183.
38. Ши-цзи 史記. 全十冊 (Исторические записки : в 10 т.). Пекин, 1959. Т. 1. 339 с.
39. Гу бэнь чжу шу цзи нянь ичжу 古本竹书纪年译注 (Бамбуковые анналы древнего текста с переводом и примечаниями). Пекин, 1990 (1996). 338 с.
40. Суровень Д. А. Ранняя форма государства в Древнем Китае // Россия — Китай : История и культура : сб. ст. и докл. участников VIII науч.-практ. конф. (Казань, 8–11 октября 2015 г.). Казань, 2015. С. 214–222.

УДК 338.242(510)+332.021.8

М. А. Фельдман

*Уральский институт — филиал Академии
народного хозяйства и государственной службы,
Екатеринбург, Россия*

В чужом зеркале

В фокусе внимания автора находится книга американских экономистов Р. Коуза и Ван Нина «Как Китай стал капиталистическим», анализирующая процесс модернизации КНР под руководством администрации Дэн Сяопина. Обнаруживая идейные корни китайских реформ в теоретических разработках советского НЭПа, автор, основываясь на выкладках Р. Коуза и Ван Нина, указывает причины успешности трансформации социалистической экономики маоистского Китая при сохранении идеологических основ социализма, что Советский Союз, в отличие от КНР, осуществить не смог.

Ключевые слова: Р. Коуз; Ван Нин; китайские реформы; социалистическая рыночная экономика; НЭП.

M. A. Fel'dman*Ural Institute-branch of the Academy
of national economy and public administration,
Ekaterinburg, Russia***In another mirror**

The author focuses on the book of American economists R. Coase and Wang Ning “How China became capitalist”, analyzing the process of modernization of China under the leadership of Deng Xiaoping. Discovering the ideological roots of Chinese reforms in the theoretical developments of the Soviet NEP, the author, based on the calculations of R. Coase and Wang Ning, indicates the reasons for the success of the transformation of the socialist economy of Maoist China while preserving the ideological foundations of socialism that the Soviet Union, unlike the PRC could not implement.

Keywords: Ronald Coase; Wang Ning; Chinese reform; the socialist market economy; the NEP.

Книга «Как Китай стал капиталистическим», вышедшая в свет на английском языке в 2013 г., была переведена на русский язык и опубликована в Москве спустя три года, в 2016 г. [1]. Три года — казалось бы, не столь большой срок, если бы не два обстоятельства. Во-первых, один из авторов, Рональд Коуз — американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1991 г. — один из самых известных ученых в мире, книги которого стали классическими еще в 70-е гг. XX в. и отличались рассмотрением проблем в широком теоретическом диапазоне; другой автор, Ван Нин, американский экономист китайского происхождения, являлся знатоком пути модернизации экономики КНР. Во-вторых, книга «Как Китай стал капиталистическим», повествуя о событиях в КНР последней четверти XX в., позволяет провести аналогии с советским проектом и постсоветским опытом эволюции от «социализма» к капитализму. Скажу прямо: трудно найти монографию, приводящую столь обширный материал о барьерах, трудностях на пути модернизации постсоциалистической страны и — главное —

о путях преодоления препятствий, чем вышеназванная книга двух американских исследователей.

С рождением в 1949 г. КНР, отмечают авторы, благодаря централизованной власти и помощи СССР стало возможным мобилизовать ресурсы для восстановления экономики после гражданской войны. Однако слепое следование марксистской теории превратило последнюю в окаменелую догму, а КПК — из проводника идеологии в ее заложницу [1, с. 19]. Результаты «большого скачка» и спустя несколько лет «культурной революции» оказались плачевными для китайской экономики и общества.

Позитивным моментом стало то, что весьма многочисленный слой переживших чистки коммунистов больше не хотел, чтобы страна продолжала идти политическим курсом Мао [Там же, с. 23]. Реабилитация сотен тысяч партийных функционеров и возвращение их к политической жизни объективно вели к ослаблению влияния марксистской идеологии на общество. Стремление сплотить китайцев под одним знаменем коммунистической идеологии — медленно, с возвратными рецидивами и разборками внутри правящей элиты — трансформировалось во все более прагматический курс.

Понадобилось два года после смерти «великого кормчего», чтобы, не отвергая идеологической легитимности социализма и деятельности самого Мао, вплоть до запрета политических дискуссий о событиях прошлых лет [Там же, с. 46], приступить к реформам, в корне отличным от прежнего пути. В немалой степени это удалось благодаря рациональному, незашоренному взгляду на советскую историю. Так, известный китаевед А. В. Панцов в блестящем исследовании, посвященном жизни Дэн Сяопина [2], отметил, что созвучность идей Н. И. Бухарина и практики советского НЭПа (запечатлевшейся в памяти молодого Дэна в период жизни в Москве) действиям лидера КНР на рубеже 1970–1980-х гг. вполне очевидна. Более того, в 1985 г. Дэн Сяопин признал, что «наиболее правильной моделью социализма была новая экономическая политика в СССР» [Там же, с. 413]. Жаль, что это высказывание, видимо, не знакомо тем отечественным историкам, кто характе-

ризуют НЭП как «неэффективную модель для решения модернизационных задач» и «вариант стагнации» и, по сути, соглашается с безальтернативностью сталинского варианта развития СССР с конца 1920-х гг. [3, с. 18, 20].

Поддержку со стороны Дэн Сяопина получил и тезис Н. И. Бухарина о том, что «рыночная экономика не является синонимом капитализма». Но если Бухарин рассматривал НЭП и рыночную экономику как характеристики переходного периода, то Дэн Сяопин понимал сочетание плана и рынка как явление, присущее социалистическому обществу [2, с. 414]. В 1980-е гг. XX в. Китай вступал с надеждой взять все лучшее из опыта мировой капиталистической экономики и практики стран социалистического лагеря. Результатом должна была стать (и стала!) постоянно менявшаяся экономическая многоукладная система, включавшая как механизмы саморазвития в виде права на личную инициативу в любой хозяйственной форме, так и регулирование сверху нормативной, фискальной и контрольно-надзорной деятельности.

Одобрив и стимулируя воскрешение Бухарина — главного теоретика НЭПа (за десять лет до аналогичных событий в СССР), Дэн Сяопин поддержал и осуждение сталинских репрессий. *При этом у китайского лидера хватило мудрости отделить сталинскую карательную практику от всего опыта советской эпохи.*

Программа «четырёх модернизаций», принятая в декабре 1978 г. на Пленуме ЦК КПК, стала краеугольным камнем экономической политики КНР, всей государственной деятельности и партийной жизни [1, с. 44]. Лидер реформистского направления Дэн Сяопин, проявив экономический прагматизм, выделил образование и технологии как первостепенные задачи Китая. В документах пленума была отмечена излишняя централизация управления. При этом ахиллесовой пятой экономики было названо *отсутствие самостоятельности у государственных предприятий*. Быстрота реализации решений пленума — если к началу 1979 г. число предприятий, получивших самостоятельность, исчислялось сотнями, то к концу 1979 г. их насчитывалось более 4 200 [1, с. 64, 71, 72] — свидетельствовала не только о решительном настрое китайских лидеров на преобра-

зования, но и о давно назревшей готовности производственных коллективов уйти от низких зарплат и голодной жизни — «железной чашки риса». Государственные предприятия, выполнив план, могли теперь сами решать, что им производить; они получили право изменять размеры заработной платы своих работников, превращаясь в субъекты рынка. Тем самым, с конца 1970-х гг. в КНР формируется «двухрельсовая система»: сосуществование в государственном секторе экономики как централизованного планового регулирования, так и рыночных элементов [1, с. 76].

Р. Коуз и Ван Нин подчеркивают: документы пленума не содержали ни стратегии, ни программ — китайские лидеры и не знали ничего о рыночной экономике. Все определяла практика, успех или неуспех начатых масштабных экспериментов. Тезис «рыночная экономика возможна только тогда, когда никто не претендует на всеведение» [Там же, с. 38], сначала интуитивно, затем осознанно входил в менталитет правящей элиты.

Сильной стороной команды Дэн Сяопина была готовность терпеливо и всесторонне изучать последствия расширения самостоятельности государственных предприятий; не отступать от поставленной цели, устроясь идеологических догм; последовательно добиваться все большей эффективности экономики и благополучия населения. В этом заключалось отличие китайского руководства от советского, проводившего аналогичную реформу во второй половине 1960-х гг.

Между тем, указывают авторы, процесс децентрализации в экономике Китая проходил весьма трудно. На рубеже 1970–1980-х гг. наряду с успехами были очевидны и проблемы: сокращение поступлений в бюджет, инфляция. Китайские власти были вынуждены скорректировать экономический курс. Но если инициированные государством реформы на время застопорились, то бурно развивались разрешенные властью малые предприятия и индивидуальные предприниматели [Там же, с. 77].

Доминирование марксистских взглядов у руководителей Китая обуславливало сохранение авторитарного государства, а с ним — понимание единства общества как прежде всего скрепленного

жесточайшей дисциплиной и наказанием за инакомыслие. Для части ветеранов КПК реформа 1978 г. казалась постыдным отступлением от основ социализма. Но яростные нападки консерваторов не изменили настрой тех представителей «фронтового поколения», кто решились на переосмысление советского и маоистского вариантов развития.

Вторым направлением реформ стал курс на объединение и укрупнение предприятий «по горизонтали». На эксперимент по хозяйственной самостоятельности перешел и ряд городов. С 1980 г. система контрактов с руководителями предприятий и администраций поставила доход «директорского корпуса» в прямую зависимость от рентабельности и конкурентоспособности производственных площадок [Там же, с. 76]. Важнейший принцип прежней модели — слепое подчинение приказу свыше — становился условным.

Наиболее важным направлением, по определению авторов, стали разрешение семейного подряда, неоднократно возникавшего в Китае по инициативе самих крестьянских дворов, и (с 1980 г.) ослабление запрета на фермерство, а затем и официальное его разрешение в 1982 г. С опорой на практику семейного подряда и множество промежуточных договорных форм, определявших права и обязанности крестьянских дворов, а также на стремительно растущее фермерство государству удалось наполнить рынок продуктами. По сути, это была «революция снизу» [Там же, с. 81, 82].

Составной частью «революции снизу» явилась сельская индустриализация. Создание волостных и поселковых предприятий сыграло ключевую роль в переходе китайской экономики к рынку. Признававшиеся первоначально ущербными (из-за использования устаревших технологий и оборудования), лишенные кредитов и ресурсов, испытывавшие ограничения по доступу на потребительский рынок, волостные и поселковые предприятия, задействовав многовековой опыт и умения китайских ремесленников и выживших предпринимателей, стремительно набирали мощь. Число крестьян, занятых на этих предприятиях, увеличилось с 28 млн в 1978 г. до 135 млн в 1996 г. Общая доля сельского населения, за-

нятого на таких предприятиях, увеличилась с 9 % в 1978 до более чем 14 % в 1984 г. К середине 1980-х на них приходилась половина всей сельскохозяйственной продукции и четверть промышленного производства КНР, а доля в ВВП выросла с 6 до 26 % [1, с. 87–90].

Своеобразной спецификой КНР стал тот факт, что многие местные чиновники управляли волостными и поселковыми предприятиями. Не связанные планом, они регулировали производство в зависимости от спроса на рынке и могли быстро реагировать на изменения конъюнктуры; сами решали вопросы об оплате и премиях, штатах, привнеся конкуренцию в экономику и ориентацию на потребителя. Фактом признания волостных и поселковых предприятий стало предоставление банковских кредитов [Там же, с. 90–92]. *Кооперация усилий предпринимателей всех видов и низовой администрации* существенно усилила позиции ранее самых отсталых территорий в Китае — деревень и поселков. Именно это движение самих масс, десятков миллионов крестьян, ремесленников, мелких производителей, местных чиновников наполнило реформы силой и сделало необратимыми.

Реакция китайского руководства на бурный рост частного сектора в 1980-е гг. охарактеризована Р. Коузом и Ван Нином как политика «трех нет»: ни содействия, ни публичного освещения, ни запрета [Там же, с. 95]. Внимательное прочтение монографии позволяет скорректировать это официальное определение. Защита негосударственного сектора от нападок консерваторов стоила Дэнгу и его окружению немалых усилий; начало кредитования государственными банками предпринимателей — шаг вполне определенный. Не менее важным стало разрешение на импорт в страну потребительских товаров и промышленных технологий, прежде всего... с Тайваня! [Там же, с. 62]. Уже в 1980-е гг. тайваньские фирмы держали контрольные пакеты акций в компаниях, занятых в производстве одежды и обуви (72 %), кожи и меха (80 %) [Там же, с. 229].

Капитал соотечественников из Тайваня, Малайзии, Гонконга наряду с передовыми японскими технологиями пошел в открытые тогда особые экономические зоны (ОЭЗ). Очевидные успехи промышленного развития ОЭЗ, взлет уровня благосостояния их жите-

лей стали самыми обсуждаемыми в КНР темами. Все это позволяет расценивать политику «трех нет» как своеобразный политический маневр Дэна, направленный на сглаживание идеологических противоречий.

Реформаторы могли проиграть сражение, когда в 1981 г. премьер Госсовета Чжао Цзянь предложил заменить систему централизованного планирования системой рыночного ценообразования, но натолкнулся на яростное сопротивление партийных ветеранов [Там же, с. 116], развернувших в 1983 г. полномасштабную кампанию борьбы против «духовного загрязнения» [Там же, с. 120], но они, замедляя на месяцы движение вперед, последовательно выигрывали войну за рыночные реформы.

Параноидальный страх коммунистических догматиков перед «мирной эволюцией» был преодолен, и 1984 г. стал рубежом нового этапа экономической реформы, когда Пленум ЦК КПК в октябре 1984 г. принял «Решение о реформе экономической системы», одоббившее введение системы рыночного ценообразования [Там же]. К концу 1984 г. государство прекратило контролировать цены на многие потребительские товары. Но из соображений социального и политического характера, подчеркивают Р. Коуз и Ван Нин, правительство не спешило выпустить из-под контроля цены на сырье. Без субсидий на электроэнергию многие предприятия закрылись бы. Цены на товары, произведенные в рамках государственных квот, фиксировались государством. Цены на товары, произведенные сверх нормы, зависели от превратностей рыночной конъюнктуры [Там же, с. 137]. Налицо, как видно, неразрывность экономических и социальных задач.

Каким же образом китайские лидеры смогли избежать ужасов развала советской экономики начала 1990-х гг. при отказе от централизованного контроля над ценами?

Ответ авторов примечателен: социальные и экономические реформы в Китае в 1980-е гг. отличало важное преимущество — *политический истеблишмент по большей части не был движим корыстью*. Китайская элита стремилась превратить свою страну в богатое социалистическое государство и отличалась предельным прагма-

тизмом, ориентируясь на факты, а не на отвлеченные теоретические конструкции [1, с. 126].

Об этом же говорит и реформа труда. Госпредприятия получили полное право самим определять размеры зарплат и премий [Там же, с. 141]. Но задача *не допустить массовых увольнений* выполнялась. С этой целью в Китае, в отличие от корпоративных слияний в рыночной экономике, в большинстве случаев более крупное предприятие не поглощало мелких партнеров. Последние получали условленное количество акций в новообразованной компании. Модель акционерного предприятия получила широкое распространение и стала залогом успеха. Приватизация средних и малых предприятий проходила чаще всего в *форме продажи акций их работникам, которые не увольнялись*. Это же касается и крупных предприятий. К концу 1991 г. было создано 3 200 холдинговых компаний в форме акционерных обществ, из них 85 % — при значительном участии работников [Там же, с. 203].

Кроме того, приватизацию сдерживали не только идеология, но и угроза массовой безработицы. На протяжении 1980-х и в начале 1990-х гг. в КНР не было рынка труда, способного обеспечить занятость или переподготовку работников. Закон о банкротстве был принят в 1986 г., но в течение последующих пяти лет только 27 предприятий были объявлены банкротами. Однако поскольку увольнения были все-таки неизбежны, в 1994 г. в КНР была создана система социального страхования по безработице. В 1995 г. ею были охвачены 70 % работников [Там же, с. 204, 205]. Столь стремительная динамика говорила о том, что китайские работодатели приучены государством играть по правилам.

Сопоставляя приведенные факты, нетрудно найти коренные отличия от российской практики на рынке труда в 1990-е гг., и вывод авторов логичен: китайская экономическая реформа, в отличие от РФ и стран Восточной Европы, не столкнулась с жестокой рецессией.

С точки зрения гносеологической примечательно наблюдение Р. Коуза и Ван Нина о том, что для Дэн Сяопина и его соратников социализм был скорее *открытой системой, которая должна исполь-*

звать достижения всех культур и перенимать у других стран, в том числе у развитых капиталистических, все передовые методы [Там же, с. 180]. Социализм больше не отождествлялся с коллективной собственностью и централизованным планированием. Его сутью стало «полное достижение всеобщего благоденствия».

Провозгласив подобную цель (памятную для специалистов и понятную для населения), Дэн Сяопин избавил китайское руководство от дискуссий о «пользе сохранения социализма и вреде капитализма» [Там же, с. 183]. В очередной раз переосмысление марксизма в соответствии с прагматическим духом конфуцианства помогло китайцам справиться с идеологическими трудностями, подводят черту авторы. Логическим завершением этого этапа реформ стали решения XIV съезда КПК в октябре 1992 г., объявившего о том, что целью реформы экономической системы является развитие социалистической рыночной экономики [Там же, с. 187–189].

В 1992 г. китайцы окончательно легимитизировали *реальность* рыночных преобразований. В тот же год мы (россияне) перешли к рынку, имея в голове лидеров — команды Гайдара — только смутные (в лучшем случае книжные) представления о рыночной экономике, о путях ее достижения и, как показала практика, вне взаимосвязи социальных и экономических задач.

«Самым неожиданным моментом китайских рыночных преобразований стало то, что Китай трансформировался в капиталистическую страну, пытаясь модернизировать социализм» [Там же, с. 235]. Сопоставим это ироническое высказывание авторов с мыслью о социализме как открытой системе. Получается, что в Китае удалось действительно провести конвергенцию, осмеванную в СССР, и соединить лучшее, что было в странах советского блока и в западном мире. Характерно, что в 2004 г. китайское руководство поставило цель построения «гармоничного социалистического общества», характеризующегося высоким уровнем человеческого развития каждого жителя страны [4, с. 53].

От идиллических нот в завершении истории о грандиозном эксперименте мирового значения предостерегает еще одно замечание

Р. Коуза и Ван Нина: верховенство закона в КНР принципиально отличается от «верховенства права», культивируемого в западной политической культуре. Основная цель китайского руководства и в последние десятилетия XX в., и сегодня заключается в поддержании политической стабильности и преемственности политического курса в условиях однопартийной системы [5]. Пока КПК стоит выше закона, те, кто могут действовать от ее имени, законов не признают.

Раскрыв факторы взлета Китая и превращение его в сверхдержаву, Р. Коуз и Ван Нин указывают и на возможные причины будущих потрясений. Книга «Как Китай стал капиталистическим» — тот нечастый случай, когда исследование крупных ученых становится зеркалом истории огромной страны. Но, глядя в это зеркало, замечаешь и то, что скрывали другие, казалось бы, более знакомые зеркала. Там, где американские экономисты увидели утверждающий гимн капиталистическому развитию, отечественные историки, взглядевшись, могут обнаружить не замеченные ранее потенциальные возможности советского проекта. Некритически захваленные в недавнем прошлом, зачастую некритически отброшенные в настоящем.

-
1. Коуз Р., Ван Нин. Как Китай стал капиталистическим. М., 2016.
  2. Панцов А. В. Дэн Сяопин. (ЖЗЛ). М., 2013.
  3. Сенявский А. С. НЭП: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты (опыт системного анализа). М., 2006.
  4. Социальная политика в России и Китае // отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 2016.
  5. Михеев В., Луконин С., Чжэ С. Китай: режим личной власти и новая пятилетка // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 10. С. 5–16.